

Анатолий Лернер

Тремпиада

*Эзотерическая
притча*

Анатолий Лернер

Тремпиада.

Эзотерическая притча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18798419

ISBN 9785447484842

Аннотация

Когда рушатся человеческие взаимоотношения, а жизнь катится под откос, нужно остановиться, сойти с пути и подумать: кто я? И зачем я здесь? Именно это и произошло с успешным журналистом, брошенным на Ближний восток. Новая реальность ошеломила героя. Его жизнь в погоне за местом под солнцем превратилась в ад. Чтобы не скатиться в пропасть, от героя потребовалось мужество изменить себя. На пути духовного поиска герой учится ценить каждое мгновение жизни. Ведь завтра может и не наступить.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Мой выход из Египта	8
1	8
2	9
3	12
4	14
5	15
6	22
7	24
8	36
9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тремпиада
Эзотерическая притча
Анатолий Лернер

© Анатолий Лернер, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В перекрестии оптического прицела отчётливо виделась цель. Ядовитая капля сомнения... Она ослабила силу выстрела, когда небесный снайпер вздрогнул, а вместе с ним и пропитанный тоской наконечник дротика, выпущенного из золотого арбалета. И хотя выстрел получился точным, он не оказался смертельным. Небесный снайпер взглянул на поверженного воина, лежащего в неудобной позе с запрокинутым к высокому небу подбородком; на сочащийся из-под стрелы алый родничок; на пустую флягу, валявшуюся неподалеку от камня, раскалённого нещадным солнцем августа... и, свинтив прицел, растворился в мареве, уступая место магической мандале парящего в небе орла.

Воин глядел в небо, и его слезящиеся глаза следили за падением птицы, а потом, он увидел туннель или шахту, глубиной во всю его жизнь. Усилием воли он вырвал стрелу из тела и теперь ждал, что вот-вот хлынет из груди волна!.. Но когда забурлило и понесло, когда хлынул поток – он оказался не готов к тому, что случилось: целый океан ворвался в него!

...Липкий, навязчивый бред... тяжёлый запах собственного пота... и неподъемный груз памяти...

Он снова один. Один пред небом... один на один с самим собой, с которым столько лет сражался... и нет сил оторваться от земли...

Но чьи-то сильные руки подхватили его, и он потерял сознание. А когда пришёл в себя, то увидел, что над ним своды грота, а рядом – чужой котелок... гул водопада... и чьё-то отражение, дрожащее на дне котелка. Да ещё – дым от костра и ощущение тяжести.

По бескровному лицу пробежала слеза. Кто-то подсыпал в костер хворост и сообщил:

– Появились признаки погружения земли в воду.

А он ощущал, как тяжесть размазала тело и толкала куда-то назад, точно выдавливала из жизни, выворачивая её наизнанку... И вот уже встречной электричкой жизнь проносилась сквозь него. Жизнь, которая больше не принадлежала ему...

А кто-то, сидящий у костра, предлагал что-то вспомнить, бормоча нелепости о достойном уходе, о ловушках иных миров, о каком-то пути, ведущем то ли к себе, то ли домой. И пар струился от подошв его сандалий...

Время луны сошло на нет, а гимны смерти всё не смолкали. От мантрического пения сидящего рядом становилось тоскливо даже мёртвому.

И хотя бездыханное тело смердящей тряпкой валялось у подошв колдуна, сознание всё ещё сражалось за своё сомнительное право вернуться в тело. Но тяжесть, подавляла сопротивление воли... прах земли погружался в холодную воду, а вода соединялась с огнём, пронизывая жаром лихорадки. И всё ещё парящий в небе орёл, то ли падал, то ли

очерчивал круг...

– Беги! – произнёс колдун... И душа вздрогнула. Готовая к побегу, она ждала сигнала! А вот теперь не знает куда бежать...

– Беги, – говорит старик, – от жажды жить...

Но как? Как тут убежать, когда даже мёртвому всё ещё хочется жить, а душа оплакивает тело?

– Не будь рабом, – наставляет душу колдун. – Положи конец страданиям.

И всё настойчивей звучит призыв сбросить цепь рождений и смертей...

– Ты знаешь, что это иго... – слышит он, – освободись от страстей и продолжай свой путь, исполненный мира и покоя...

Часть первая. Мой выход из Египта

1

Сладкие сны, беспечные грёзы. По утрам они смущали своей откровенностью, и тогда, смущённый герой пробуждался!..

Тёмные от влаги тучи промывали глаза и мрачно смотрели вниз. Взгляд пробуждённого, становился внимательней, слух острее, и являлись осознанность и терпимость. Из недоступных разумом глубин чуткий радар интуиции улавливал звуки нездешнего беспокойства... Там что-то металось, звало и скреблось, точно прощальный призыв о спасении. Что-то захлёбывалось, и тащило вниз, разрывая грудь, из которой неслись в разные стороны искажённые воздухом звуки. И лишь потом, эти разрозненные звуки, сбивались воедино, поглощая друг друга и собираясь в единый стон отчаянья, который неизбежно устремлялся вверх!..

2

Липкая жара августа. Безработица, Интернет и я, лавирующий между реальностью и виртуальным миром. У телевизора, в кресле, постанывающий во сне отец. А в телевизоре – беспредел! Новости из района Баренцева моря. Не вникая в суть, жму на кнопку пульта, отключая звук. Спящий отец несогласно мотает головой, а я вваливаюсь на кухню, вытаскивая из морозильной камеры тяжёлую бутылку с заледеневшей водой. По пути к себе, снова бросаю взгляд на экран онемевшего телевизора. Те же картинки, что и в Интернете: атакованная незримым противником атомная подлодка «Курск», безжизненно уткнувшись хищной мордой в морское дно. Отец всхрапнул. Его голова склонилась на грудь. Во сне он продолжал выказывать несогласие с реальностью... Может быть, впервые за свои сорок лет, я позавидовал его способности спать. Он спал всегда и везде, в самых неподходящих местах и позах... Большую часть своей жизни, – лучшую её часть! – он провёл во сне. Он спал сидя, стоя, спал в пути. Это было его бегством от реальности. Сны, как полноценная форма земного существования!.. Именно во снах он заново переживал своё прошлое. В том прошлом он всё ещё летал, словно никогда и не покидал военной авиации... Меня тогда в помине не было. И кто знает, родился бы я или нет, не свались мой папа однажды с неба на греш-

ную землю... Просто, однажды, зимой, после деревенской свадьбы, когда из баков был слит практически весь спирт, военный самолет, на котором тогда летал папа, при заходе на посадку не смог выпустить шасси!.. Обледеневшая машина с трудом была посажена на ледовую дорожку застывшего в ужасе озера!.. Летящий дракон, воняя перегаром, рухнул на брюхо!.. Полгода госпиталя... и – прощай армия, авиация и небо!.. Тогда-то на свет и появился я. И сколько себя помнил, мечтал о небе. Как папа. И мечтал летать! Но всё это было в той, прежней жизни, в другой стране, от которой остались сны, воспоминания и шрамы на теле и в сердце. И ещё речь, малопригодная для употребления в местах нашего нового обитания. Здесь мы с отцом живём под одной крышей, на его пособие по старости. Я раздражаю его бездействием и, как он когда-то, всё ещё о чём-то мечтаю. О чём? Может быть, о небе, о доме и о мире в душе. И ещё бесконечные вопросы к самому себе. А главный из них – ради чего я предпринял это своё путешествие? Началось оно давно. Ещё в прошлом веке. Будучи успешным журналистом, коего судьба забросила на Дальний восток ныне не существующего Советского Союза, я вдруг, ни с того ни с сего, взял и резко изменил свою жизнь. Оборвав все связи, я снялся с места и оказался на Обетованной земле, сменив географию своего местопребывания. Но, как выяснилось, менять потребовалось и менталитет. И если перебраться с Дальнего востока на Ближний было не так уж и сложно, хотя по тем временам

совсем непросто, то всё что касалось ментальной стороны такого поступка, до сих пор остаётся неразрешимой загадкой, всплывающей во мне мучительно болезненным фантомом. Не разгадав её, я сосредоточил невероятные усилия на том, чтобы соединить вещи, не желающие, и – главное, не могущие соединиться воедино. Но, будучи молодым и бесшабашным, я игриво твердил формулу Киплинга о том, что Западу и Востоку «не сойтись никогда», нахально полагая, что когда-нибудь сумею изменить суть вещей. Влившись в мутный поток репатриантов, я мечтал не только обрести почву под ногами, но и найти своё место под солнцем.

Через несколько лет мечтаний, я стал настоящим бродягой, скитающимся от жилища к жилищу, и мечтающим о своём Доме. Казалось, Тремпиада сама избрала меня, заставив взяться за карандаш, чтобы время от времени записывать истории из самой жизни, перечёркнутой множеством дорог, тропинок и снов, ведущих от дома к дому и от судьбы к судьбе...

3

*«Пригрезится: мороз, потёмки,
окрестный вид уныл и груб...
И ты один, как в анатомке,
непризнанный родными труп».*
Геннадий Лысенко.

...Обхватив голову руками, широко раскрыв рот, зашлась в ужасе оглохшая от выстрела ночь. Застрявший в горле истошный вопль струился зловещей тишиной, дымно обволакивающей Бог весть что, то ли след от серебряной пули, выпущенной в оборотня, то ли просто луну, то ли ещё чёрт знает что. Внизу, на росистой траве, тесно сплелись в неистребимой ненависти друг к другу двое, и небесное бельмо безучастно наблюдало за их поединком. Казалось, обессиленные противники вот-вот замрут, слившись воедино. Но проходила минута, величиною с вечность, и кто-то вновь подминал кого-то и никто не желал смириться с поражением. Мыча и хрипя, нечеловеческими усилиями, высвобождались они из ненавистных объятий, и вот когда противник оказывался подмятым, уже не хватало ни сил, ни злости, ни желания истребить врага, и не было единоборству этому ни начала, ни конца.

Я тщетно силился разглядеть лица соперников, но небесное бельмо заволакивало их от взора. Я видел, как вздува-

лись их жилы, как крошились в этой схватке зубы, я различал цвета лохмотьев их одежды и следы росы на ней, но лица их были неразличимы. Так, лишь общие черты. Это были лица сиамских близнецов, породнившихся во вражде. Вражде, казавшейся мне более возвышенной и одухотворённой, нежели их любовь. Я не мог помочь им, почти физически ощущая их страдания, становясь то одним, то другим близнецом.

Этот отвратительный поединок стал смыслом их существования, самим существованием, их жизнью. Рассей их вражду, и они исчезнут, уйдут в небытие и проклянут без того трижды проклятое человечество, обрекая других на завершение нерешенного ими спора. Спора Веры и Суеверия, христианских гностиков и мистиков средневековья, вражды пророков и жрецов Иудеи.

4

Значит так. Без документов, только с бумажкой ОВИРа, пересек границу Дальнего Востока, вдоль Байкала и дальше, через всю Сибирь, вплоть до Урала – из Азии в Европу, через Брест на Варшаву, после таможенных негодяйств, и всего того, что наваливается на человека покидающего родину, а оттуда вновь в Азию, в Тель-Авив. С Дальнего востока на Ближний. Припёрся.

Думал ли я об этом, лежа в бывшей своей мастерской во Владивостоке на подобранной с помойки тахте? Нет, не думал и не мечтал.

Просто, лежал, костерил жену и ждал друга Саньку, чтобы за фанерной столешницей, подпёртой книгами и растянувшейся вдоль всего пролёта окна, расслабиться в душевной беседе и устроить «пивной пугч». Пива я купил литров шесть, залив его прямо в два двойных полиэтиленовых мешка, валявшихся теперь в ванне, наполненной холодной водой.

Санька прийти не обещал, но я рассчитывал на его нюх, а нюх на пиво у Саньки был, прямо скажу, собачий. К тому же – канун выходного, можно было и расслабиться.

И вдруг, никогда не выключавшийся приёмник, огромный деревянный – ещё на лампах – подобранный, как почти все вещи в этой мастерской, со свалки, замолчал. Заткнулся, оборвав на полуслове дежурного редактора программы «Час письма» радиостанции «Тихий океан» Наталью Гурулёву. Я, чертыхнувшись, встал и щёлкнул выключателем. Свет не зажёгся. «Издержки перестройки» – подумал я, укладываясь в сумерках на продавленную клопами тахту. Долго ли я провалялся на ней, нет ли, не знаю. Только лежал я оторванный от внешнего мира с закрытыми глазами, тихо поругивал же-

ну, губящую мои лучшие годы, и подсчитывал чёрные и белые периоды нашей совместной жизни. Причём, белых оказывалось почему-то больше и это вызывало дополнительное недовольство, а чёрные полосы казались еще черней и мрачней.

Как-то само собой получилось, что с жены мой праведный гнев обрушился на Брюханова – старшего редактора Главной редакции художественного вещания. Он зарубил мой цикл библейских притч для детей, успешно прописавшийся в утреннем эфире... Нет, ну какая сволочь! Выступая на межредакционной летучке заявить, что цикл, в общем-то, хорош, но явно не для утра. И вообще, с каких это пор Главная редакция информации взяла на себя функции художественной?..

– Паразит, – обиженно костерил я коллегу. – Мою затею, моё детище, мою гордость таким свинским образом отобрать себе?!

Признаться, для ссыльного, моя карьера складывалась весьма успешно.

На Дальний восток я был сослан за нежелание сотрудничать с ребятами из госбезопасности, и как один из организаторов экологической демонстрации, которая прошла на площади Дзержинского, непосредственно под сапогами двенадцатиметрового памятника железному Феликсу.

Взбешённые чекисты не захотели терпеть мои выходки в своём «Лёнинграде», и приняли решение выслать меня

из города.

И тут меня бес попутал. Зачем-то я ляпнул: «Только не на Ближний восток». В ответ я услышал: «Тогда поедешь на Дальний». Мне вручили «предписание» для ОВИРа, чтобы выдали визу в закрытый для советского человека город Владивосток.

И вот после двух месяцев проживания в «закрытом» городе, который уже, как любой местный житель, любя называл Владиком, я прошёл стажировку в Приморском теле-радиокомитете и был аттестован на должность редактора Главной редакции информации. Здесь, и очень скоро, в рамках полуторачасового отрезка программы «Приморье: новости, факты, комментарии», я стал реализовывать свои идеи, за которые был сослан.

Так случилось, что библейский цикл, запущенный мною в эфир, опередил ЦТиР. Цикл, составленный в двадцатые годы Корнеем Ивановичем Чуковским, озвученный нашими актёрами, стал хитом. Слушатели ждали его с нетерпением, записывали на магнитофоны, и это мне было известно доподлинно, потому что уже поднимался вопрос о выпуске кассет для методических кабинетов и детских учреждений. И тут – отдайте!

Но паскудней всего, что Брюханова поддержали, а мне предложили подумать. Это означало, что цикл закончен. Всё. Простите, уважаемые радиослушатели. Читайте Библию и пересказывайте её сами своим оболтусам, а мне, иудею

по рождению, бороться за вашу духовность на-до-ело! Брюханов на летучке не без вызова сказал, мол, что это Лернера на радио-проповеди потянуло? Так вот, и сказал: проповеди. А ведь это... был прорыв...

Ну что теперь говорить? Тогда, на летучке, засунул язык в одно место, и, эдаким, благородным карбонарием, удалился из студии. А надо было рычать, драться, а я, блин... Рас-терялся. Я вообще от подлости теряюсь. Ну ладно, был бы это Гончаров, наш зампред, я бы ему, видит Бог, простил. Но Брюханов – иное.

Этот комсомолец и грязь в нужном месте мог развезти, и чернила пролить, где надо, и кровью что требуется подписать.

Ладно, подвизался бы он только на поприще журналистики. Ей, кормилице, быть продажной сам Бог велел. Так нет. Брюханова влекло искусство. Сам по себе этот факт безобиден, если не совать грязные ногти в вечную душу акта творения. А это уже влечением не назовешь. Это уже называется проникновением.

Должно быть, он считал не зазорным, слыть вампиром, когда кругом столько крови. Зазорно было быть вампиром и не заразить чьей-либо крови. Этот же, окружал себя прокаженными, вдалбливал в их маковки идеи, и маленьким фюрером в больших роговых очках вершил судьбы живых и усопших.

Однажды и я испытал его вирус на себе. Если вам посчаст-

ливится забрести во Владивосток, спросите у прохожих, где, мол, памятник Мандельштаму, погибшему в пересыльной тюрьме на Второй речке? Боюсь, не ответят они вам. А знаете почему? Потому что именно интеллигенция города, как ни странно, приложила всё своё рвение и красноречие, убедив власти города в несостоятельности проекта уже готового памятника поэту. Именно руками интеллигенции города была сорвана уникальная на то время возможность увековечения памяти об Осипе Эмильевиче. И именно интеллигенция страдала потом от отсутствия мемориала великому художнику. И моя была в том вина.

Увидев в изваянии не поэта, но узника, слабого, сломленного дыбой и перемолотого жерновами, я, как и другие, испугался. Испугался того, что из сомкнутых уст старца уже не прольётся «Художник нам изобразил глубокий обморок сирени», но в такт его этапному шарканью, точно конвоиры, провожающие поэта в никуда, навечно затвердим хриплое: «Мы живём под собою не чуя страны».

Испугались. И вышло всё так, как задумывалось вдохновителем этого безобразия. Но если мы, всё же, надеялись на установку памятника иного, более романтического, то Брюханов вообще не мыслил никакого изваяния «еврейскому поэту».

Мандельштаму он противопоставлял русского поэта Павла Васильева, отдавая предпочтение его «русскости». Дело, конечно, вкуса. Но упаси вас Бог вступить в пререка-

ние с этим «оракулом», чья плавная речь московского купца всегда обильно пересыпалась филологическими терминами, точно доперестроечный бублик маком. Его надменность и сытая уверенность в истинности суждений тут же уступала место бабьему визгу нечистой торговли из лабазных рядов! Редкие люди отчаивались вступать с ним в споры.

Впервые мы встретились, когда после двухмесячного испытательного срока я был вызван в кабинет зампреда. Гончаров только что вернулся из Киева, где пышно отмечалось тысячелетие крещения Руси. Теперь же он делился своими впечатлениями с важничающим, как мне показалось тогда, мальчишкой-очкариком. Я уже знал, что меня берут на должность редактора, но нужно было для приличия соблюсти кое-какие формальности. Я ждал, стоя в кабинете. Гончаров недовольно взглянув на меня, закруглил свой рассказ фразой:

– И вы знаете, товарищ Брюханов, оказывается, Иисус Христос был евреем!

Я сделал круглые глаза, подавившись собственным дыханием, а Брюханов довольно хмыкнув, вышел из кабинета.

Гончаров снял очки, устало, после невыносимого открытия в области научного атеизма, прикрыл пальцами глаза, и рассеяно глянув на меня, вяло произнёс:

– Ну что, товарищ Лернер, отзывы о вашей работе положительные, главный редактор согласен вас оставить в своей редакции, будем считать, что пока этого достаточно. Только

вот что, – он надел очки и пристально вглядывался в меня, выдерживая паузу. – У руководства одно условие. Вы должны привести в надлежащий вид свою прическу и снять бороду. А то не удобно как-то, работник идеологического фронта, а похож на...

«Еврея», – мысленно подсказал я.

– Иисуса Христа, – весьма дипломатично завершил он.

Что-то сегодня Саньку подводит его чутьё. Пить одному скучно. Света нет, и неизвестно когда появится. Свечку зажигать жалко – последняя. Я нащупал на тумбочке рядом с тахтой пачку «Примы» и, посильнее смежив веки, чтобы вспышка не так больно резанула по глазам, прикурил.

Отсыревшая сигарета пыхнула запахом ватной промасленной фуфайки и прилипла к губам. Курить тут же перехотелось. Не открывая глаз, я привычно сунул «бычок» в консервную банку с водой. Банка сдвинулась и звякнула об электрический чайник, единственную новую вещь в этой мастерской.

Чайник я подарил Саньке. Будем считать, что на день рождения. Дело в том, что этим чайником поначалу пользовался я сам. Но поскольку Санька частенько живал у меня, пересидевшая различные периоды своей жизни, чайник, из моего, превратился в наш. Ну, а когда я вынужден был съехать из этого рая в обменянную женой квартиру, чайник и многие другие вещи остались в мастерской. Теперь здесь деловито обосновался Санька и я, тепля надежду, что мой рабочий угол всё же останется за мной, забирать вещи не торопился. Чайник из нашего превратился в Санькин. Но, чтобы это всё не выглядело самозахватом, я решил официально его подарить Саньке. Теперь, заходя на огонёк в мастерскую, я

ненароком замечал:

– Попьем чайку, Санька, из твоего чайника.

Санька довольно кряхтел, сопел, распечатывал новенькую упаковку, уже по тем временам дефицитного Краснодарского или сам «Lipton» и с расточительством убожённного гостями хозяина угощал куревом, и выпивкой.

После того как я утряс все финансовые вопросы с художником, сдававшим мне мастерскую, Санька стал единственным владельцем этой замечательной берлоги. А я теперь, хотя и оговаривалось, что в любое время суток могу появляться здесь, все реже и реже захаживал и всё больше на правах гостя, понемногу забирая шмотки, явно продлевая удовольствие прощания со свободой одиночества. Наивно и радостно, возвращался я к ужасу семейного счастья.

Наверное, я заснул, потому что, когда услышал голоса, долго не мог понять, в чём дело, где я и кто со мной разговаривает в крошечной темноте. А разговаривал со мной приёмник. Я с невольным интересом стал прислушиваться к его бормотанию. Это была середина передачи и журналистка, кокетливо и не без достоинства вела беседу с профессором Белой Магии.

«А почему не Чёрной?» – подумал я.

– Потому что это, в принципе, одно и то же, – ответил мне профессор.

– Как вы относитесь к сообщениям о разного рода «барабашках» и другого рода проявлениям Полтергейста, и верите ли сами в их существование? – насильовала журналистка белого мага.

– Нормально отношусь. – Улыбаясь, отвечает он. – Это все вполне естественно. Попробуй, скажи детям, что нет ни домовых, ни леших, ни бабок ёжек, что всё это выдуманно, чтобы поскорее уложить их спать, что все это враки взрослых, мечтающих вечером отдохнуть от своих чад, – дети вам не поверят. И в этом случае они поступят более мудро, нежели взрослые, утратившие детство, а с ним и последнюю веру во всё чудесное. Дети всегда ближе к истине, нежели взрослые прагматики и малoverы, наскоро повенчавшие веру с су-

этой. Я понятно излагаю?

– Да-да. Продолжайте, пожалуйста.

– Речь идет о суеверии...

Я обалдело закурил. Запах серы и фуфайки прочистил мне мозги. По словам профессора, выходило, что лары или, как нам привычнее, домовые, действительно охраняют однажды покинутый нами дом. А неугомонные пенаты, наскоро распрощавшись с ларами, сломя голову, следуют за чемоданами супругов.

Мне стало не по себе. Причин было несколько. Одна из них проста и незатейлива: всё только что изложенное, лично мне было известно. Кем-то, когда-то, может быть в иной жизни, но я был твёрдо уверен, что всё это мне давным-давно поведано. Я догадывался, что однажды был посвящен, но вот говорить об этом всерьёз ни с кем не решался... Ладно... Поиграем в страшилки?

Представляю ситуацию: ты один в двухкомнатной квартире именуемой мастерской. Мастерской, перегородженной станинами, треногами, мольбертами, строительными досками, гипсом и всевозможной, выдавшей виды или, как ещё принято говорить, живописной рухлядью, отраженной, точно в кривом зеркале, на развешанных тут же по стенам полотнах, заляпаных большей частью мастихином. С трудом отвоеванное место у окон обеих комнат, занято тахтой и фанерной столешницей. На кухне, в подполье, скандалят крысы. Поэтому кухня – нечто вроде нейтральной полосы или

запретной зоны. Граница, конечно же, нарушается, но не без риска для обеих сторон.

Итак, ты один в хаосе этого бардака, усиленного твоими тщетными попытками обустроить свое жилище, один на один с проблемами социальными, половыми, бытовыми.

«Один, как верста в поле», – заводит поэт, и я с радостью подхватываю:

– Один, как голова на плечах, один, как лягушка в холеру, один, как козел на конюшне, один, как черт на болоте, один, как невинность у девки, один, как язык у немого, один, как курячье вымя, один, как пчелка без жальца, один, как смерть за воротами...»

Каждый раз, когда читаю Сашу Щуплова, я вспоминаю моего обидчивого друга, моего гениального прозаика, мою юношескую любовь (если таковая возможна между мужчинами без примеси секса), моего учителя Николая Васильевича – нет-нет, не Гоголя, – Николая Исаева. Колю, Колюшку, Николку... Но это пока еще болит. Возможно об этом когда-нибудь позднее, возможно – никогда.

Итак – один. В чужом, но уже горячо любимом городе, в чужой, называемой «моей» мастерской, пробуждаюсь в чужой постели, встаю с чужих подушек, почёсываюсь от сожителей-клопов, и – на кухню. Чаёк покруче заварить. Хлебушек из контейнера извлекаю, из полиэтиленового мешочка его выуживаю, баночку икры минтая открываю и, кисленький с тмином черный хлебушек икоркой-то и помажу. Толь-

ко надкушу эту божественную пищу, эту амброзию, только глоточек нектара, простите, чая сделаю, а хлеб-то с икоркой – тю-тю. Нету. Ну не корова же языком слизала... Мечусь по мастерской, спущенные штаны одной рукой придерживаю, а из второй руки чашку с чаем не выпускаю, чтобы тоже, значит, не пропала. Побегаю, поищу, к жалобам живота прислушиваюсь и, плеснув в себя остатки холодного чая, сплюнув в сердцах заварку, лечу в редакцию. Поднимаюсь к себе на этаж, а меня на лестнице уже полредакции встречает.

– Ты, – говорят, – к себе в кабинет не ходи. Иди сразу к шефу.

– А что собственно стряслось? – Недоумённо вопрошаю.

– Вчера про психушку материал делал?

– Был грех.

– Так вот за тобой на «скорой» главврач оттуда пожаловала. Маркова, собственной персоной. И взвод санитаров. В штатском.

Действительно припоминаю, что обратил внимание на припаркованный «Нисан» в медицинских разводах.

– А что шеф? – вяло любопытствую.

– Кожинов ждёт. Скучно ему без тебя летучку начинать.

– И главное, бессмысленно, – философски заключаю я.

Захожу в кабинет шефа, а у того руки трясутся. Одну сигарету загасил, другую прикуривает. И это при всеобщем-то дефиците табачных изделий!

– Категорически, – протягивает руку.

– Катастрофически, – отвечаю.

– Эт-точно. Ну что, поэт, дал просратья, как пишут в «Пионерской правде», Марковой? А сам что делать будешь? Упечет ведь, как пить дать упечёт в психушку. Говнюк... – шеф окидывает воспалённым взором кабинет.

– Все собрались? Ну и ладно. Открываем собрание при закрытых дверях, – шеф смотрит хитро, игриво, а у самого шея, пылает как автозажигалка и руки дрожат.

– Я, грешным делом, саму передачу не слушал, – хитрит он. – Читал в сценарии преамбулу, так сказать. Веремчук у тебя в записи был?

– Нет, – отвечаю, – прямой эфир.

– Он кем у нас числится?

– Консультант по вопросам права. Член коллегии Приморских адвокатов.

– Ну и... Расскажи вкратце, может, кто не знает, почему Маркова у тебя сейчас в кабинете сидит, а «Скорая помощь» под окнами дежурит.

– Ублюдки потому что, – вступает в разговор Димоша.

– Ну, Дмитрий Николаевич – известный экстремист, – брякает недоучка Машка и сама, испугавшись собственной глупости, прикрывает ладонью рот.

– Веремчук молодец, – улыбаясь, подмигивает мне Димоша. – Всадил ей по самую маму.

Димка, озорно согнув руку в локте, и сжав кулак, показал,

как и насколько Веремчук всадил Марковой.

– Ой, а я всё пропустила, – вновь встречается Машка.

В тон Димке пытается шутить Коляка:

– Маринка, какие твои годы? Еще всадят. И не такое пропустишь...

– Борис Александрович, – официально вступает в разговор Светлана Шпилько, – здесь, между прочим, дамы. И если Дмитрий Николаевич, как старший редактор, а с ним заодно и Николай Михалыч этого не замечают, мы с Анфисой Демьяновной надеемся, что вы напомним им что это такое...

– И обо мне напомним им, Борис Александрович, – снова высовывается Машка.

– Светлана права, – Анфиса выпускает густую струю дыма, выказывая личное недовольство. – Мне, я чувствую, здесь вообще делать нечего. У меня завтра программа, а еще конь не валялся.

Анфиса затянулась дымом, сжала губы и тут её прорвало.

– Ты же знаешь, Борис, собкоры ленивы! плёнки перегоняются поздно! всегда об одном и том же... А что, собственно, мы здесь собрались?! Что мы собираемся обсуждать?! Кто-то что-то брякнул, кто-то на кого-то обиделся. Чушь... И, что сказал ваш хваленый Веремчук?! Оскорбил людей, назвал их уголовниками и дал повод любому и каждому поносить всех, кто занимается делом. – Оноприенко в сердцах гасит сигарету о край стола.

– Хорошо! Очень даже хорошо! – она резко встает, одер-

гивает густо посыпанную пеплом юбку и нервно сжимает кулаки. – Я давно хотела поднять этот вопрос. Да до каких же пор, в конце-то концов, мы будем лить грязь на головы слушателей? Чуть свет накручиваем народ, а затем удивляемся, что в городе так беспокойно! Безобразия какое-то!

– Анфиса! – взрывается Димка, – по-твоему, все должны закрыть на всё глаза и пусть фашисты калечат людей?! А ты, умиляясь, будешь взирать на всё это и дебилски сюсюкать в эфире: «Ах, солнышко, ах, полянка, садики-цветочки, клубничка-херничка, блин горелый!»

– Борис! Как он со мной разговаривает! Я не желаю, чтобы со мной говорили в таком тоне! О чём он говорит?! Борис, я тебя спрашиваю, о каких фашистах здесь идет речь?!

Пожар пытается загасить Коляка:

– Дмитрий Николаевич, ты зря, – оперным голосом заводит он, Анфиса Демьяновна уважаемый товарищ...

Оноприенко срывается с места и выбегает из кабинета.

– Ну вот. Обидели человека, засранцы, – главный сминает пустую сигаретную пачку, и тянется к моей.

– Ладно, вернемся к нашим баранам... А извиниться всё же придётся. Итак, насколько я понял, к нам пришла женщина и попросила помочь разобраться...

– Да не разбираться она пришла, а за помощью! Защиты просить. Умоляла защитить доброе имя своё. А заодно и всех тех, кто стали жертвами произвола отечественной психиатрии.

Я стараюсь говорить спокойно, но мысль о дежурящей в моем кабинете Марковой не покидает меня.

– Жена военного моряка, двое детей, семья обеспечена. В доме полный достаток. Женщина она не старая, не урод... (Машка хохочет), – на Марину похожа (Воплощение женского безобразия).

– Борис Александрович! Я сейчас тоже уйду!

– ...следит за собой, одевается прилично...

– Ты давай без этого, как его? Без кренделёбелей, – шеф вновь тянется к моим сигаретам.

– Это я к тому, что оснований для беспокойства, когда муж ушёл в моря, у неё было более чем предостаточно. Несколько раз видела она у подъезда одни и те же незнакомые лица. А время сейчас, сами знаете какое. Правильно, Николай Михалыч?

Николай Просветов, он же Коллега, специалист по рэкету, репортер уголовной хроники, с важным видом согласно кивает, произнося лишь одно слово: «криминогенно».

– Вполне естественно, что женщина обратилась с просьбой, пусть несколько необычной, к приятелю мужа.

Все заулыбались двусмысленности фразы.

– Приятель, по-видимому, рассчитывал на нечто иное, но, получив отлуп, решил обратиться за разъяснением на станцию «Скорой помощи». Через неделю морячку выпустили, но на пятилетний учет в психдиспансере поставили.

С работы её уволили, дети боятся оставаться с нею од-

ни, друзья отвернулись, муж требует развода. Она же, требует снятия с учёта. Её приглашают на комиссию за комиссией, где неизменно председательствует Маркова, в чьи нежные руки она сразу попала, и, вполне логично, что главврач психиатрической лечебницы диагноза просто так не изменит.

Однажды на комиссии, в сердцах, пациентка пригрозила вывести всех на чистую воду, созвав комиссию из Москвы. Пригрозила, хлопнула дверью и ушла. Сама ушла. Домой. Без посторонней помощи. А поздно вечером, санитары ворвались в квартиру и только благодаря отчаянному сопротивлению самой жертвы, подкреплённому пошедшим на примирение мужем и засидевшейся допоздна в гостях соседки, от бесправных действий представителей здравоохранения, подчиненных главврачу психиатрической клиники, коммунистке Марковой, им, всем народом, удалось отбиться.

Фраза далась с трудом и я, дабы перевести дух, попытался закурить, не поспевая за Кожинным, выуживающим из моей пачки очередную сигарету. Шеф затянулся дымом, и, не выпуская его, вымолвил:

– А причем тут партийность?

– При-чем пар-тий-ность? – закипел Димка. – Борис, ты что это, серьёзно?! Эти же выродки защищены своей красной книжицей от всевозможных гнусностей! Нелюди, упыри, коммуняги!.. Какую страну изуродовали!

– Дима, ты не обобщай...

– Борис!

– И все же я дерзну продолжить, – я примирительнозираю на Димку и перевожу взгляд в сторону шефа. Кожинов обречённо машет рукой.

– Мы не обсуждали с Веремчуком правильность поставленного Марковой диагноза. Мы задали лишь два вопроса. Если, как утверждают представители здравоохранения, пациентка социально опасна, то почему этот вывод был сделан после прекращения работы комиссии и кем он был сделан конкретно. И второй вопрос. Правомерны ли действия санитаров, вламывающихся ночью в жилище, без каких бы то ни было на то причин...

Дверь кабинета открывается и на пороге предстает Маркова с опухшим гневным лицом.

– Лернер уже пришел? – властно вопрошает она.

– Закройте дверь, пожалуйста, у нас летучка, – вежливо, спокойно и весьма настойчиво выпроваживает её главный.

– Ваша летучка идет уже больше часа, а подчинённые вовремя на работу не являются.

– Мне думается, что вы, уважаемая, простите, не помню имени-отчества, сейчас находитесь далеко от своего рабочего места. Но если у вас много свободного рабочего времени, соблаговолите обождать ещё немного в холле.

– Я до вас ещё доберусь, вы меня не знаете! Мать вашу... – удаляется Маркова.

– Похоже, пошла к председателю, на телевидение, – догадывается Светлана.

– Ну-ка узнай, – просит Димка.

Светлана набирает номер председателя телерадиокомитета:

– Василий Борисович? Добрый день. Светлана Шпилько. Только один вопрос, касающийся распределения профсоюзом путевок в Японию... Я думаю, мы не станем торопиться с выводами, это невыгодно скажется... Вы же понимаете... Если угодно – сейчас. Немедленно! (Светлана прикрывает ладонью трубку и заговорщицки кивает нам: Маркова действительно у председателя).

– Нет, вы видели эту рожу? – Димка никак не остынет. – Нелюди, упыри, ублюдки...

Шеф перебивает Димку: – Значит так, председатель вызовет меня минут через десять... Столько же на обмен рукопожатиями...

Ладно, оставляй свои сигареты, скандалист, бери редакционную машину и дуй в буй. После обеда возвращайся. Будешь меня со стенки соскребать.

– Шеф, никак не могу. Я после обеда собирался отпрашиваться. Так что вы там не очень-то на стенку налегайте.

– Исчезни, неблагодарный... Куда?! – он протягивает руку, и я послушно отдаю ему пачку с остатками сигарет.

– Правильно разумеешь. Но если разобраться, дача ответственному лицу при исполнении служебных обязанно-

стей, да ещё при свидетелях... Всё. Исчезни из моей жизни!
До завтра.

Димка подмигивает: – Разберёмся. Видишь, с Борисом, ноу проблем. Я ему битый час всё втолковывал.

– Спасибо, Димоша.

– Будь.

Ах, как хочется курить. Но время не ждет. Машина у подъезда, а в мастерской, знаю, на столешнице в пепельнице рубль лежит железный, а под ним – заначка, две сигареты.

Врываюсь в мастерскую, как санитары к несчастным психам, и сразу к пепельнице. И что? Рубль железный лежит, а сигареты – две штуки! – исчезли. Мелковато, но всё же, как вы думаете, чья это работа? Съесть лакомый кусочек чёрного хлеба с икрой минтая, столкнуть лбами с репрессивными органами в лице Марковой, а на десерт – стащить последние сигареты в конце месяца, когда даже на чёрном рынке за пятерку вонючих вьетнамских не купишь?

Не трудите зря голову. Это ни к чему. Ответ очевиден. Они это. Они – весельчаки, обжоры, путаники. Так что, уважаемый профессор белой магии, ничего, увы, нового для меня вы не сообщили. Но вот вопрос: кто настроил приёмник на эту волну? Я чётко помнил, что свет отключился посреди программы «Час письма» радиостанции «Тихий океан», оборвав на полуслове Наташку Гурулеву. Значит, когда врубили энергию, приёмник должен был оставаться на прежней волне.

Найти ответ на этот вопрос профессор мне не позволил. Заметив, что съеденные лакомства, спрятанные вещи или неприятности на работе – это не самое страшное, на что

способны домовые, но если их проделки от безобидных чудачеств переходят в некое агрессивно-наступательное качество, нужно от домовых избавляться. И чем скорее, тем лучше. Лучше и для личного комфорта и для душевного равновесия окружающих.

В связи с этим, он предложил всем заинтересованным набрать банку воды и он, как было обещано в начале передачи, зарядит её, а поскольку времени в эфире осталось не так уж и много, то и расскажет саму инструкцию по применению заряженной им воды в целях избавления от «нечистой силы».

И опять меня бес попутал. Кинулся я в кромешной темноте банку с водой искать. То и дело, натываясь на пустые бутылки, я, должно быть, создал у спящих соседей мнение, что ночами осваиваю новую профессию приёмщика стеклотары и возможно скоро открою кооператив по приёму пустой посуды у населения.

Но бутылки – не банки, потому, не мудрствуя лукаво... Нет, это выражение, очевидно не подходит... Короче, долго не размышляя – так будет поточней – я схватил электрический чайник, едва не опрокинув консервную банку с размокшими в ней окурками, и поставил его прямо на тумбочку с безумствующим приёмником.

Из эфира доносился то ли свист, то ли стон, то ли фон, только мне от этого после сеансов Чумака и Кашпировского было чуточку смешно.

Однако моё игривое настроение тут же улетучилось, лишь

только прозвучала рекомендация по применению этой, теперь уже заряженной, воды. А следовало проделать следующее.

Веником или кисточкой разбрызгать воду по всем углам в доме, начиная с правого верхнего у входной двери, заканчивая левым. Остаток воды следует вылить далеко за пределами жилища, а сосуд (нет, вы только послушайте!) – сосуд уничтожить и захоронить в безлюдном месте.

И тут я понял, что влип, и что это серьёзно. Что шутить можно было до того, как чайник с водой облучились магической энергией. А теперь я исходил холодным потом, и не мыслил, что предпринять.

Во-первых, жалко чайник. Новый. Электрический. К тому же, мой подарок Саньке. Отбросив мистику, вернёмся к общечеловеческим отношениям. Что бы вы подумали на Санькином месте, не обнаружив в доме чайника? Вот именно. Не объяснять же его исчезновение рекомендацией мистического профессора из безумствующего приёмника. В психах я числился пока только в личном списке Марковой. Ну, а во-вторых, где мне использовать эту морилку?

Здесь, в бывшей моей мастерской? Так она уже не моя и никогда, если разобраться, моей не была и быть не могла. Стало быть, и домовые не мои – чужие, и не моя это забота изводить их. Это показалось мне логичным и слегка успокоило. А как быть теперь уже с моими, наверняка рассеянными по углам, пенатами? Или вдруг ополчатся на меня

ларвы – эти неугомонные безутешные в собственной вине и нанесённых им оскорблениях бродяги, тени злодеев, убийц и насильников? Души неотомщенных жертв?..

Как-то, прекрасный эстонский поэт и актер Юхан Вийдинг, тогда ещё, более известный читателю, как Юри Юди, рассказал мне историю, подтверждающую догадку, что тень отца Гамлета – не художественная выдумка блистательно-го Шекспира, основанная на примитивно анимистических представлениях его современников, а реальный образ, зримый натурами возвышенными, утончёнными, с изношенной, на грани разрыва, нервной организацией. Тень отца Вийдинга являлась сыну в дни предзапойные и выводила его из состояния депрессии. В результате Юхан бросил пить, но угощать любил и умел.

Однако вернемся к своим пенатам. Вернемся к нашим ларвам и лемурам. Как отделить своих от чужих? Зачем взваливать себе на плечи свинцовую ношу их совести?

Первое, что предстояло немедленно решать – это вопрос электрочайника и воды, превращенной в морилку. Пока мысли толкались поросятами у кормушки, передача закончилась и приёмник, не успев отпищать сигналы точного времени, снова отключился. Я судорожно схватил старинный шандал с единственной в нём свечой и непослушными пальцами зажёг спичку. Тени веселенькой компанией бросились врассыпную.

Из отступившего мрака прямо мне под ноги выехала стек-

лянная банка. Ни о чём не размышляя, я слил в неё содержимое чайника, а сам чайник, протопав босыми ногами перед плотно запёртой дверью кухни, не дожидаясь пока там стихнет полночная возня, зашвырнул на крысиный остров.

Бегом, точно за мной гнались внезапно атаковавшие крысы, я ворвался в спальный отсек мастерской и, рискуя опрокинуть шандал или загасить свечу, рывком накрыл себя с головой одеялом.

Прислушиваясь к скачкам перешедшего в галоп сердца, не мыслью, но лишь тенью её, я оседлал на полном скаку жеребца страха...

Сердце больно ударило копытом в грудь... и замерло...

Издав стон, я уже знал, кто подсунул мне эту стеклянную банку. Языческий демон ужаса Дэйм сразил меня.

Спиной к морю, по пояс в остывающей от ласк лета воде, я пошатывался от легкого головокружения. Высоко запрокинув подбородок, и слегка сощурившись, отдавался истоме грядущих ощущений.

Казалось, море не хотело меня отпускать и, лепеча неразборчивые глупости, одурманивало сознание запахом йода, щекощущего непривычные к приморскому воздуху ноздри.

Чувство счастья, внезапного и такого неотвратимого, как беда, переполняло меня. «Всклень» – неожиданно для себя обронил я вслух, прислушиваясь к переливу хрусталика в ушах, и от удовольствия затаив дыхание.

Благодарная сопричастность к этому вот морю, сопкам, к причудливо изогнутым тайфунами деревцам, к истощённым любовью и потерями, мудрым, как облака, чайкам, да и к самим облакам, таким родным и отстранённым, – обрушилась на меня разрушительным накатом.

Ошеломлённый взор, с жадной ненасытностью неофита, в недоумённом восхищении поглощал осенний дальневосточный пейзаж, который, казалось, чья-то дерзкая рука, со смелостью дилетанта, переместила сюда с ирреальных полотен фламандцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.